

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
Умеренность	5
Повешенный	14
Дурак	26
Повозка	42
Глава 1. Тройка мечей	47
Глава 2. Королева кубков	61
Глава 3. Тройка жезлов	73
Глава 4. Тройка пентаклей	95
Глава 5. Король пентаклей	111
Глава 6. Паж жезлов	127
Глава 7. Король мечей	143
Глава 8. Шестерка мечей	154
Глава 9. Королева мечей	165
Глава 10. Девятка пентаклей	171
Глава 11. Семерка кубков	186
Глава 12. Девятка мечей	207
Глава 13. Четверка мечей	215
Глава 14. Четверка кубков	229
Глава 15. Пятерка кубков	252
Глава 16. Двойка пентаклей	260
Глава 17. Туз мечей	274

Глава 18. Семерка жезлов	298
Глава 19. Пятерка мечей	308
Глава 20. Восьмерка кубков	317
Глава 21. Рыцарь жезлов	324
Глава 22. Шестерка пентаклей	330
Глава 23. Королева пентаклей	345
Глава 24. Туз кубков	365
Глава 25. Десятка мечей	370
Эпилог	391
Башня	391
Мир	406
Хозяин	412
Жрица	420
Действующие лица	426
От автора	429

ПРОЛОГ

УМЕРЕННОСТЬ

Белый котенок пищал так жалобно, что у любой молоденькой девушки слезы навернулись бы на прелестные глаза. Зачем он забрался на дерево, выяснить невозможно: как говаривали люди, зверя поймет лишь зверь — или человек, если только он колдун. Правда, Ветта Ольшанская колдовать не умела, да и глаза ее прелестными никто назвать не решался — выпученные, как у рыбы, и неопределенного, грязного цвета. Она передразнила мяуканье, закатала рукава простенького платья и приступила к спасению котенка в беде.

Довольно смело задрав подол — Ветта знала, что никто не увидит, поскольку все немногочисленные домочадцы находились в усадьбе, а до ближайшего соседа и не докричаться, — молодая госпожа Ольшанская забралась повыше и ловко схватила зверька. Ветта

спрыгнула на землю, отпустила котенка, надеясь, что он доживет до возраста, когда от него будет толк — мышей в доме водилось предостаточно, — и только потом отряхнулась. Взглянула на дерево, удостоверившись, что где-то там не стонет еще один несчастный зверек. Вздохнула. Старая ольха качнула ветвями на ветру, словно вздыхая вместе с ней.

Считалось, что это необычная ольха, чьи корни ушли в землю во времена, когда все люди были колдунами. Оттого и листья ее зеленее, и ствол крепче, и никакие морозы да засухи ей не страшны. По этому дереву называлась и усадьба, к которой теперь направлялась Ветта, просто и ясно — Старая Ольха. Путешественник, впервые услышавший это название, имел обыкновение спрашивать: «Где же Новая?» Местные привыкли отвечать: «Уже и Новая сгинула, а Старая стоит и будет стоять, пока мир не рухнет».

Деревянный домик, слывший когда-то обителью одной из самых богатых и древних фамилий Берстони, теперь походил на остов погибшего корабля. В дверях показалась Гавра — последняя служанка господ Ольшанских, старая кормилица, пережившая большинство своих питомцев, которая выступала в роли прачки, кухарки и любых других ролях, необходимых в хозяйстве в конкретный день. Помогал Гавре только ее внучатый племянник Сташ, громила, отличавшийся большой любовью к насекомым и физическому труду. Возможно, парню нравилось что-нибудь еще, но сказать об этом он просто не мог: с самого рождения Сташ глух, как пробка.

Заметив Ветту, Гавра указала сморщенным пальцем на окошко второго этажа.

— Госпожа звала, — гавкнула она, — сундук открыла. Пока ты гуляла, из Кирты кто-то с письмом прискакал.

— Что в нем было?

— Почем мне знать? — отмахнулась Гавра и поковыляла прочь, озираясь, наверное, в поисках Сташа.

Ветта легко взбежала по скрипучей лестнице и нашла мать там, где и ожидала — в светлице, у сундука с платьями.

Госпожа Берта критически осматривала наряды дочери — вернее, те, что когда-то были ее нарядами, но перешли к Ветте, как только та подросла. Зеленое платье, лежавшее на крышке сундука и безнадежно вышедшее из моды много лет назад, очевидно, не устраивало госпожу Ольшанскую, но найти что-нибудь получше она не могла. Едва Ветта появилась в комнате, мать оглядела ее с ног до головы и задумчиво заметила:

— Если одолжить денег на хорошую ткань, я смогу сшить на тебя новый наряд.

Ветта начала понимать, в чем дело, но эта мысль ей совершенно не нравилась.

— И как мы будем отдавать долг?

— Я что-нибудь придумаю.

— В нашем положении, матушка...

Госпожа Берта сверкнула небесно-голубыми глазами так красноречиво, что Ветта осеклась. Мать тем же рассудительным тоном сказала:

— Из любого положения можно выйти.

Ветта не сумела сдержаться:

— Замуж, например?

— Приструни высокомерие. Тебе девятнадцать, пора бы уже.

«Будто я этого не знаю», — раздраженно подумала Ветта, прекрасно помнившая, как гордилась ее мать тем, что начала рожать детей уже в пятнадцать лет. Маловажно, что выжили только двое, а теперь Ветта и вовсе отдувалась за всех.

Полгода назад без вести пропал Войцех, ее старший брат и номинальный глава семьи. Номинальный — поскольку, во-первых, делами занималась госпожа Берта и, во-вторых, от Старой Ольхи стараниями Войцеха остались лишь сама ольха да трое последних Ольшанских. Ветта любила брата, но унаследованные им от отца безалаберность и пристрастие к выпивке окончательно превратили имя господ Ольшанских в нарицательное.

Один из свидетелей, якобы опознавших исчезнувшего Войцеха, клялся, что тот всплыл у южного берега речки Подкиртовки, — это сказал рыбак Янко из Малой Митлицы, человек возрастной и уважаемый, поэтому его слову многие поверили. Двое других, имена которых затерялись в вихре слухов, заверяли, что господин Ольшанский напился вусмерть и очурился на заднем дворе корчмы, — правда, один упоминал «Двух батраков», а второй — «У Петера».

— Так или иначе, — продолжила госпожа Берта, — через десять дней мы отправимся к Ройде на памятную. Дух его брата как раз упокоится, и можно будет безбоязненно вспомнить о житейском. О наследниках, скажем, позаботиться.

Ветта ничего не ответила. На памятную трапезу к соседям, Ройдам, в ужасно древний замок Кирта, стоящий на берегу реки недалеко от границы с Ольшанскими, они однажды уже ездили — только тогда поминали Ройду-отца, а Гельмут, ныне покойный, жил да здравствовал,

и госпожа Берта подумывала сосватать дочь ему. Но владельца Кирты женитьба совершенно не интересовала — как и женщины в принципе, если верить другим отвергнутым невестам. Ветта не верила: у Гельмута — и это она знала наверняка от подкупленной матерью киртовской прачки — в младших конюхах ходил незаконный сын. Пока госпожа Берта могла платить прачке, в Ольхе знали даже, как зовут девку, с которой в этом месяце развлекается Ройда, но однажды деньги закончились, и оставалось довольствоваться сплетнями.

С предыдущей поездки прошло почти четыре года, и вот Гельмут лежал в могиле, а господином Ройдой звали его брата Марко, героического Крушителя Черепов. О нем почти никто не сплетничал, а изредка появлявшиеся слухи вызывали мороз по коже. Отбивший в военный поход еще до смерти отца, Крушитель Черепов вернулся лишь теперь, когда Кирта осиротела, чтобы принять наследство — то, что Гельмут, известный страстью к азартным играм, от него оставил. В этом смысле Ветта могла даже посочувствовать господину Марко, хотя ее состояние значительно скромнее, чем его: старшие братья подвели их обоих.

— Ты слушаешь? — спросила госпожа Берта. Ветта кивнула, но мать недовольно цокнула. — Вижу, что не слушаешь. Я говорю, что Марко еще нестарый, а с войны привез немало добычи. Если не вернет Ройдам бывшее богатство, то уж точно поправит дела. Всем этим нужно грамотно распорядиться... И жениться, обязательно жениться. Почему бы и не на тебе.

Ветта смолчала и на этот раз. Ответ на вопрос «почему бы и не на ней?» довольно прозрачен — она видела

его в своем отражении. Рыбьи глаза, пухлые губы и широкий плоский нос, усыпанный отцовскими веснушками, не созданы для увековечивания в портрете.

Когда вдруг пошла повальная мода на портреты, даже в покосившейся Старой Ольхе нашлось место для точного профиля госпожи Берты кисти непревзойденного Драгаша из Гроцки — на эту блажь ушли последние деньги. Несправедливость мироустройства в случае этой семьи показала себя во всей мощи: от красавицы-матери Ветта не унаследовала ничего, кроме каштановых волос и статной фигуры. Вот только до фигуры дело не доходило, поскольку всех женихов отпугивало ее лицо.

— Жаль, что Войцех не уродился воином, — вздохнула госпожа Берта. — Поход против Хаггеды оказался прибыльнее, чем все думали. Если бы он поехал, сейчас мы могли бы уже нанять батраков, чтобы земля не простаивала без дела.

«Но Войцех мертв, — подумала Ветта, — и уже все равно, кем он уродился». Если у матери оставались сомнения — трудно назвать их надеждами, — то Ветта признавалась себе в том, что никогда не увидит брата. И не только из-за слухов: ей казалось, сердце подсказывает истину. Какая разница, что убило бы Войцеха: выпивка или Хаггада — его место больше никто не сможет занять.

А Хаггада, распростертая на огромной территории у восточных границ Берстони, убивала много. Страна, о которой детям рассказывали страшные сказки, оказалась не просто союзом полудиких воинственных племен, а сильным государством, объединившимся перед лицом внешних врагов. Говорили, что хаггедские женщины сражаются наравне с мужчинами и кормят

младенцев кровью, смешанной с грудным молоком, — Ветте хотелось бы знать, в каких пропорциях.

Она с трудом представляла, когда именно и почему началась война, длившаяся, казалось, всю жизнь, хотя в действительности — лишь несколько лет. Мать и Гавра называли одни даты и причины, девушки с рынка в Митлице, основной источник новостей для Ветты, — другие, а мужчины, чьи разговоры ей удавалось услышать, — третьи. Теперь, когда вернулся Марко Ройда, она надеялась выяснить правду — хотя выйти замуж, чтобы наконец освободиться от давления матери, тоже оказалось бы очень кстати. Ветта впервые подумала о браке в этом ключе, и привычное отвращение отступило.

Но госпожа Берта заботливо вернула все на свои места.

— Найди Сташа, пусть натаскает воды. Я тебя вымою и осмотрю, а в последующие несколько дней, будь добра, воздержись от прогулок по самым грязным местам нашего владения. Накануне поездки в Кирту снова пригнать ванну. Нельзя показываться на глаза жениху в твоём обычном виде.

— Поездки? — процедила Ветта. — Мне любопытно, на чем же мы поедем, если последнюю лошадь продали прошлой весной.

— Об этом я договорилась. Нам одолжат кобылу в Митлице.

— Кобылу? Мы поедем на одной лошади?

— Строго говоря, — отметила госпожа Берта, убирая зеленое платье обратно в сундук, — это две лошади. Кобыла беременна.

Ветта развернулась, чтобы мать не увидела, как она закатила глаза, и спустилась во двор, искать

Сташа. Она в самом деле немного испачкалась, доставая глупого котенка с ольхи. Поскольку звать слуг не имело смысла, Ветта обошла усадьбу, но нигде не увидела ни старуху, ни Сташа. Подумав, она направилась по узкой дорожке, ведущей к деревне: вдруг Гавра взяла внука с собой на рынок. Тропинка проходила через небольшую осиновую рощу, в тени которой путник спрятался бы от палящего солнца. Но в последние несколько лет жара стояла редко: даже летом все время лили обильные дожди, и это крайне беспокоило землевладельцев.

Посреди рощи Ветта услышала странный звук, замерла и огляделась. Когда звук повторился — гул, похожий на коровье мычание, только намного более страшный, — она прижалась спиной к стволу осины, готовая снова залезть на дерево, если придется. Но вот совсем рядом послышалось знакомое ворчание, и Ветта с облегчением выдохнула.

— Клятые твои букашки, — бормотала Гавра, подталкивая Сташа, чтобы шел побыстрее, — детина здоровенный, а ума, что у навозника. Госпожа Ветта? — тем же тоном спросила она, будто не веря собственным глазам. — Только ведь гуляла, опять захотелось? Мать браниться не будет? Я вот, гляди, ругаю своего, совсем с этими букашками от рук отбился.

Меж стволов промелькнуло движение, а потом повторился гул. Ветта перевела дух: это все-таки мычала корова — похоже, потеряла стадо. Слуга указал на нее мясистым пальцем и потянул за собой старуху, но та будто вросла ногами в землю, и он сдался, расстроено опустив лохматую голову.

— Я как раз искала Саша, — выдохнула Ветта. —
Нужно набрать воды, искупаться.

Громила посмотрел на нее добрыми глазами и закивал, будто все услышал. Гавра костлявой рукой ткнула его в бок. Ветта почему-то задумалась о скоротечности жизни.

До памятной трапезы в Кирте оставалось десять дней.